

Путь ангельской плоти

Поэзия Григория Марка

В последнее время ангелы все чаще оставляют следы в нашем мире, хотя эти следы куда не ведут. Ангелы, в современном представлении, — это заблудившиеся посредники между небом и землей, вестники без вести, которые ничего не сообщают о Пославшем их, а только пытаются скрыть свою потерянность и одиночество за хлопотливым участием в земных делах. Таковы, например, ангелы в знаменитом фильме Вима Вендерса "Крылья желаний". Но хотя ангелы — прозрачные, утомленные, сиротливые, с помятыми или даже сломяными крыльями — часто появляются в современных произведениях искусства, редко можно познакомиться с обратной перспективой: как воспринимается мир этими существами не от мира сего? Из чего наш мир состоит на ангельский взгляд и ощущ?

Зададимся еще более сложным вопросом: может ли ангел писать стихи? Разумеется, нет, поскольку, во-первых, ангелы лишены авторского начала — оно всецело принадлежит Богу, и ангелы, по смыслу своего вестничества, в лучшем случае могут лишь "цитировать" Его; во-вторых, они парят в поэтически безусловной стихии — света, пения, ликования, — которая не нуждается в условных знаках для своего выражения. Но если ангел уже достаточно приобщился к земной жизни, то у него порой может вырваться и некий вздох, обращенный то ли вспять, к покинутому небу, то ли к еще предстоящим ему человеческим испытаниям. Если ангел начинает писать стихи, значит, ему вполне удался жалкий подвиг очеловечивания; но, слишком отяжеляя и заземляя этот новый для него опыт, он по неволе выдает свою ангельскую природу.

Недавно мне довелось прочитать стихи, автор которых показался мне не совсем натуральным в смысле своей заявки на человеческое происхождение. Да и в Петербурге, где он якобы живет и о котором пишет, никто о нем ничего не слышал, даже в той литературной среде, где все знают всех, не только напечатавших, но хотя бы даже только пробормотавших одно четверостишие. У этого автора даже фамилии нет настоящей, а только два имени, Григорий и Марк, которые намекают на некий обряд, вроде монашеского пострижения, только наоборот.

"И какого же юродивого не кличут Гришей", — воскликнул как-то Арсений Тарковский. Григорий Марк одновременно и юродивый, и евангелист, то есть как бы благовестует и сам играет роль блаженного. Но юродивый среди ангелов — это такой, которому хочется не воспарить, а, наоборот, плотнее осесть в скопище земных вещей, чуждых его воздушной природе. Оттого все предстает ему многократно уплотненным и утесненным — корявым, грубым, с грязноватым оттенком, хламоватым на ощупь.

Вернусь иностранцем к себе
в коммуналку.
Все то же кирпичное, черное мясо
Лоснится в обглоданных временем
балках,
И лампочка светит в углу безучастно.

И где-то у вешалки, в грязной
прихожей,
Вверху, в отороченных пылью обоях,

Григорий Марк. Имеющий быть.
СПб, "Пушкинский фонд", 1997.

Свисающих заживо содранной кожей,
Я в треснувшем зеркале встречаюсь
с собою...

Вот она, маленькая энциклопедия небесного ренегатства. Заметьте, что для восприятия дома как "кирпичного черного мяса", а обоев — как "заживо содранной кожи" нужно самому быть совсем уже лишенным и кожи, и мяса, так, клубящимся паром или воздушным веянием. Человек не воспринимает подобную вещьность так отрешенно и трудно, она все-таки сродни его плоти. Заметьте, как лирический субъект этого громоздкого стихотворения путается в пространственных измерениях — "у вешалки" для него значит "где-то"; свидание с самим собой назначается "вверху", хотя речь идет о настенном зеркале. Можно было бы счесть это за недостаток стиля, непрописанность места и времени, если бы эта размытость не была формой ясности, выдавая вполне однозначно ангельскую природу того субъекта, которому даже "лампочка светит в углу безучастно". А как еще она обязана светить — сочувственно? изливая все-блажие лучи? как вечное солнце любви? Да и вряд ли кто из людей, созерцающая обыкновенные балки, отметит, что они обглоданы временем, — для этого нужно слишком привыкнуть к другой точке отсчета, от "вечности".

Даже воздух, эту вроде бы родную для себя стихию, иностранное существо Григорий Марк ощущает как некую ранку, которая жжется, болит, припухает, словно некая порча и уязвление его начальной субстанции, состоящей из чистого эфира. А уж собственные губы, этот нежнейший и прозрачайший, любовью запечатленный покров человеческого естества, он ощущает вообще как коросту.

Ранку воздуха, йодом прижатую,
Взглядом бережно перебинтуй.
И белесую плоть воспаленную
Всей коростой губ поцелуй.

Исцеление будет даровано,
Так что кожей почувствуешь вдруг:
Жизнь твоя в этот город вмурована,
В Петербург — Ленинград —
Петербург...

Неудивительно, что этот ангел решил воплотиться в одном из самых прозрачных мест на земле. Вообще Петербург, можно сказать, взлетная и посадочная полоса для множества ангельских и, соответственно, демонских десантов, облюбовавших себе место наилегчайшего проникновения в земной мир и незаметного смещения с ним. В силу исторических обстоятельств и географического положения Петербург — самый сложный, наименее охраняемый участок российско-потусторонней границы. Неизвестно, существует ли этот город иначе, как во сне и фантазии своего основателя Петра, о чем неоднократно напоминали Гоголь, Достоевский, Белый, для которых столица белых ночей была самым "умышленным" и "отвлеченным" городом на свете.

Но даже Петербург, в своей бесплотности, — слишком плотное место для обитания такого эфирного существа, как наш герой, который постоянно обдирается об его углы и стены, и обдирается не только телом, но и слухом и взглядом. Он живет здесь "как будто в сумерках вечных: почти что вслепую, на ощупь", натывается на "твердые острые вещи",

опускается "грузно в колючие ребра диванов", ступает по "паркету, поросшему плесенью и мохом", пробирается по вагону, "набитому туго телами", его голова плывет в улиточном потоке "набухшего черной щепкой", по его спине стекает "пыльный пот", и все его щуплое тело пропитано "приторным запахом смерти".

Вообще мир в этом вывернутом наизнанку благовествовании весь искорежен, смраден, удушливо смертен, причем без особой художественной нужды и мотивировки. Балки "обглоданы временем" не потому, скажем, что они прогнили, а просто потому, что как вещество они тленны; "пыльный пот" стекает по спине героя не потому, что он утомился на грязной работе, а просто потому, что телесному существу присуще потеть и покрываться пылью. Отсюда некая абстрактность этих переживаний земного как именно земного, и притом с привкусом грязного, хлюпающего, душного, болотистого, — земного в том смысле, в каком человек обречен "в поте лица своего добывать хлеб, покуда не возвратится в землю, из которой взят".

Кто-то из критиков заметил, что у Марка якобы религиозная поэзия. Если это и верно, то с точностью наоборот. Религиозность — это направленность отсюда туда, а наш "автор" является отсюда сюда, вживляет себя в плоть этого мира, и потому его поэзия вдвойне материалистическая, упоенно, надсадно, отвратно материалистическая:

Огромные теплые бедра,
Обтянутые чешуею
Из липкой мерцающей ткани,
Плывут, наткаясь на стулья,
Сквозь синий клубящийся воздух,
Плывут вереницею бедра...

Плывут говорящие лица,
Лиловые зубы ликуют
В ошейниках из ожерелий,
И твердые вены, взбухая
Растут в гофрированных шеях,
Как синие ветви деревьев.

Для иноприродного духа не только внешний мир, но и собственная плоть, а пожалуй, и душа — тоже материя, и оттого он постоянно "встречается сам с собою" как с чем-то внешним и предстоящим себе.

Чужими.
Ты видишь себя
Лишь глазами
Чужими.

И даже когда он смотрит на себя в зеркало, он ощущает этот чистый овал, этот сквозящий пролет как рубцы на своей ангельской плоти, оттого и зеркало у него — "треснувшее", чтобы тем материальнее, грубее осязать бесплотный подлинник в расходящихся швах отражения. "Я в треснувшем зеркале встречаюсь с собою..."

Замечательно, что из всех человеческих занятий наибольшее понимание и интерес у этого иночеловека вызывает профессия "гравера" (так и называется первый сборник). Ведь это так небывало и трудно — запечатлеть свой след в материальных вещах.

Ладонью, ощупью —
иное знание:
ты сразу чувствуешь,
что вещи прочные
со всеми гранями
их формы, в сущности,
для вящей точности
даны в касаниях.

Вслушайтесь в интонацию этого короткого стихотворения, в это бесподобное по наивности самоуверению, что "вещи прочные" и что "для вящей точности" они даны в касаниях. "Гравировать" на этом языке значит — вписать, врезать, "вмуровать" себя в этот мир, где "небо крошится на спины идущих с работы" и где "гуляет в рваном плащике автор этого стиха".

Читателю этих стихов грустно видеть себя, человека, глазами ангела. Еще более грустное, но и просветляющее зрелище — ангел, который, задав себе почти непосильную физическую и моральную работу, пытается стать человеком.

МИХАИЛ ЭПШТЕЙН